

— Не хочешь подумать о том, чтобы уехать вместе с НАО-НАО?

Эти слова прозвучали как удар грома и едва не разрушили маску, которую Чэнь Хэмин старательно удерживал на лице.

0937, что не так с людьми в этом маленьком мире? Вечно они говорят то, что мешает выполнению задания.

Выражение лица юноши сменилось с удивленного на горькое:

— Не нужно. Ты — единственный родной человек для НАО-НАО. Что это будет, если я увяжусь следом? К тому же, если я буду рядом, он никогда не сможет вырваться из этого круга, я лишь стану помехой для его будущего.

Эти слова прозвучали так скорбно, в них сквозила такая жертвенная любовь отца, который не в силах отпустить, но вынужден это сделать, что Чу Ивань больше не смог ничего возразить.

И дело было вовсе не в том, что он поверил доводам юноши о неудобстве совместного проживания. Просто он понял: если продолжить разговор, в этих глазах, глубоких и нежных, как ночное небо, наверняка заблестят слезы.

Чу Ивань постарался как можно естественнее взять свои слова обратно:

— Похоже, у меня слишком мало опыта в воспитании детей, я чуть было не совершил ошибку. Раз так, тогда завтра утром я приду забрать НАО-НАО. Но вы так долго были опорой друг для друга, что ваши узы несравнимы с чувствами дяди, которого он видит впервые. Если НАО-НАО не сможет привыкнуть к новой обстановке, мне придется просить тебя о помощи.

НАО-НАО сидел на краю кровати, не мигая наблюдая за действиями Чэнь Хэмина. Когда юноша уже собирался выйти из спальни, ребенок спрыгнул на пол и бросился за ним следом.

Чэнь Хэмин присел на корточки, поравнявшись с НАО-НАО, и максимально мягким тоном ответил:

— Папа не переезжает.

Чэнь Хэмин попытался успокоить его, но, встретившись с этими испуганными, но невероятно пронзительными круглыми глазами, он осекся и замолчал, дожидаясь вопроса ребенка. В душе вновь всколыхнулось смутное чувство горечи — вероятно, это были остатки эмоций прежнего владельца тела.

Маленькая пухлая ладошка осторожно ухватила за край одежды Чэнь Хэмина, пальчики то разжимались, то снова сжимались, выдавая тревогу маленького хозяина.

— Просто сегодня за тобой приедет твоя семья, поэтому нужно собрать твои вещи, чтобы тебе было привычнее, когда ты вернешься домой.

Слезы так и не пролились.

Конечно, он не вернется. К тому времени он уже инсценирует свою смерть, и Чу Ивань его не найдет.

— Папа пойдет откроет дверь, а ты подожди здесь. — Чэнь Хэмин поцеловал ребенка в нежную щечку, взъерошил его волосы и направился к выходу, зевая на ходу. — Почему так рано...

Зевнув еще несколько раз, Чэнь Хэмин сел на кровати, приглаживая растрепанные волосы. Нао-Нао наконец в безопасности, но человек, который будет растить его дальше, изменится. Обещание, данное когда-то, ушло вместе с прежним владельцем тела, как мыльный пузырь на солнце: яркий, но лопающийся в мгновение ока.

— Папа, папа, там кто-то стучит. — У ребенка не хватило сил, он долго толкал Чэнь Хэмина, прежде чем тот проснулся.

Ребенок старательно задрал голову:

— Папа, мы переезжаем? Но... но ты еще не собрал свои вещи. Нао-Нао помочь?

Нао-Нао редко говорил длинными фразами, и для четырехлетнего ребенка это было непросто. Он запинаясь, стараясь при этом улыбнуться, но попытка не удалась.

Поразмыслив об этом, Чэнь Хэмин беззаботно уснул и проспал до самого утра, пока его не растолкал Нао-Нао.

Проводив Чу Иваня и собрав вещи Нао-Нао, Чэнь Хэмин оглядел опустевшую комнату. Тяжесть, давившая на сердце с самого момента прибытия в этот мир, куда-то исчезла.

Чэнь Хэмин смотрел, как глаза ребенка завлакивает пелена. Влага скапливалась, и тонкие веки, казалось, вот-вот не выдержат, и слезы хлынут наружу.

Нао-Нао упрямо смотрел на него, пытаясь уловить малейшее изменение в выражении лица:

— Папа, ты... ты тоже хочешь... ик... выбросить Нао-Нао?

Вслед за этим всхлипом две дорожки слез беззвучно скатились по щекам ребенка и упали на пол. Сердце Чэнь Хэмина дрогнуло, он вздохнул и потянулся, чтобы вытереть влагу, но ребенок обиженно отвернулся.

Хотелось сказать что-то еще, но в дверь снова постучали. Чэнь Хэмин, морщась от головной боли, бросил на ходу: Господин Чу — хороший человек, он твой дядя, он позаботится о тебе лучше меня — и поспешил открыть дверь.

Спасите! Он впервые играет роль пушечного мяса, обремененного семейством, а ребенок такой милый, как ангелочек — глядя на его слезы, он едва не дрогнул!

— Господин Дань... — За дверью действительно стояли Чу Ивань с помощником. Не дожидаясь приветствия, Чэнь Хэмин посторонился, пропуская их внутрь. — Нао-Нао проснулся, вещи собраны, можете забирать его. Кстати, он еще не завтракал, не забудьте его покормить. Вещи там, забирайте и идите. Я хочу спать, не будите меня, когда будете уходить.

Выпалив это пулеметной очередью, Чэнь Хэмин, не дожидаясь реакции Чу Иваня, нырнул обратно в спальню, словно за ним гнались собаки, и плотно запер дверь, не оставив мужчине ни единого шанса вставить слово.

Чу Ивань на пару секунд остолбенел. Что это было?

Не успел он отвести взгляд от обшарпанной двери, как раздался пронзительный крик.

— А-а-а! Папа, папа! — ребенок плакал и звал, — Папа, не бросай Нао-Нао! Нао-Нао хочет быть с тобой! У-у-у...

Дверь оставалась неподвижной. Звукоизоляция была почти нулевой, поэтому крики отчетливо проникали внутрь, но человек за дверью оставался непреклонен — он не отозвался ни разу.

Видя, что ребенок вот-вот упадет в обморок от рыданий, Чу Ивань вспомнил о своей роли взрослого, подошел к нему и опустился на корточки, пытаясь успокоить малыша, захлебывающегося в отчаянии.

— Нао-Нао, я же сказал, я твой дядя, меня зовут...

Он не успел договорить, как его резко перебил детский голос:

— Уходи, уходи! Ты плохой! Это из-за тебя папа не хочет Нао-Нао! Уходи!

Ребенок сквозь слезы пытался толкать Чу Иваня, стараясь выгнать незнакомца из их с папой дома, словно это могло заставить папу изменить решение.

— Плохой, плохой! Уходи, а то я позову дядю полицейского! Папа, папа, тут плохой человек хочет забрать Нао-Нао! Папа, спаси меня!

Пронзительный плач встревожил соседей, двери начали открываться, и в коридоре становилось все теснее.

Попросив помощника разобраться с толпой, Чу Ивань попытался проявить доброту:

— Успокойся, пожалуйста. Если будешь так кричать, сорвешь голос. Когда перестанешь плакать, дядя поможет тебе уговорить папу, хорошо?

Чу Ивань проявил величайшее терпение, но НАО-НАО был слишком мал и находился во власти эмоций — он не слышал его, продолжая рыдать, пытаясь слезами размягчить сердце Чэнь Хэмина, которое стало тверже железа.

К сожалению, мягкосердечный Дань Ниншэн давно был заменен на Чэнь Хэмина, и помощь в изменении судьбы ребенка была самым добрым делом, на которое он был способен. Остаться с маленьким персонажем-пушечным мясом было невозможно.

Лишь когда НАО-НАО выбился из сил и уснул на руках у Чу Иваня, Чэнь Хэмин открыл дверь. Отказавшись от предложения 0937 заглушить плач, он просидел у двери все утро, слушая рыдания. И даже в этот момент он думал: если он сейчас так убивается, как же ему будет больно, когда он узнает о его смерти?

Боясь разбудить ребенка, Чэнь Хэмин прошептал:

— Уходи скорее, а то НАО-НАО проснется и снова начнет плакать.

Он взглянул на свернувшегося калачиком ребенка, который даже во сне продолжал всхлипывать, и добавил:

— Он плакал все утро, даже воды не пил. Когда проснется, будет голоден и мучим жаждой, позаботься о нем.

Чу Ивань пристально посмотрел на бледного юношу и слегка кивнул:

— Я запомню.

— Тогда... прощай.

— Прощай.

*

Время без маленького «пушечного мяса» летело быстро. В мгновение ока наступил день, когда должен был погибнуть прежний владелец тела.

Чэнь Хэмин вышел из бара в обычное время. Почувствовав на себе пристальный взгляд из тени, юноша опустил голову, скрывая лицо, и горестно поджал губы.

Раздражает.

<http://bllate.org/book/20208/2011028>